

часто совершенно новые материалы, столь точно зарегистрированные опытными диалектологами, какими являются П. Нейеску, Гр. Русу, И. Стан, Т. Теаха, И. Ионика и В. Русу, прошедшие хорошую школу под руководством известных ученых акад. Э. Петровича, акад. А. Росетти, члена-корр. Б. Казаку, члена-корр. Д. Макри и др. в своей стране и за рубежом, в том

числе в Советском Союзе, представляют особую ценность для исследования говоров других романских языков, а также для славянской (украинской, польской, болгарской, сербской и др.) и венгерской диалектологии, для этнографии и других смежных наук.

Р. Я. Удлер

P. M. Postal. Aspects of phonological theory, Harper and Row Publishers.—New-York — Evanston — London, 1968. XV + 326 стр.

Монография П. Постала принадлежит к довольно специфическому жанру: это почти всецело полемическое сочинение, направленное против так называемой «автономной» (иначе — «таксономической») фонологии и в утверждение порождающей (иначе — «системной») фонологии. Книга состоит из двух глав: «Автономная фонология: за и против» и «О менталистском характере так называемых звуковых изменений», которые посвящены сопоставлению «автономной» и порождающей концепций на почве, соответственно, синхронии и диахронии. Глава I содержит разделы: «Ложный аргумент в пользу автономной фонологии» и «Подлинные аргументы против автономной фонологии», глава II — разделы: «Исторический фон и младограмматическая позиция», «Эмпирическое опровержение младограмматической позиции» и «Природа звуковых изменений».

Прежде всего следует пояснить, что под «автономной фонологией» имеется в виду «обычная», традиционная фонология и даже, в сущности, едва ли не всякая фонология, отличная от порождающей.

Порождающая фонология не получила достаточного освещения в отечественной литературе¹, хотя, по-видимому, необходимость в этом назрела². Настоящая рецензия, уже в силу «законов жанра», не может, разумеется, поднимать проблему в целом. Более того, даже для всего

круга вопросов, затронутых в монографии П. Постала, рамки рецензии определены узки³. Поэтому мы по необходимости ограничимся разбором лишь нескольких кардинальных положений книги.

Основной вопрос, дебатруемый в монографии, сводится к следующему: существует ли между собственно фонетическим «уровнем» и уровнем фонологическим («системно-фонологическим») в смысле Халле — Хомского — Постала (т. е. уровнем, в терминах единиц которого записываются морфемы, единицы лексикона, или, иначе, морфофонологическим уровнем при другом словоупотреблении) особый промежуточный уровень? Представители порождающей фонологии решительно отрицают существование такого уровня, который как раз и соответствует обычному фонологическому уровню традиционной фонологии.

Согласно взглядам, принятым в генеративной лингвистике, фонология есть часть грамматики — один из основных ее компонентов, наряду с синтаксическим и семантическим (последний, впрочем, не всегда включается в этот перечень). Задача фонологического компонента — получив на вход поверхностную структуру предложения, где морфемы записаны в «системно-фонологической» транскрипции, выработать, по определенным упорядоченным правилам, на выходе фонетическую интерпретацию этого предложения в «системно-фонетической» транскрипции. Никаких других уровней, кроме «системно-фонологического» и «системно-фонетического», фонологический компонент не со-

¹ См. переводы работы Н. Хомского «Логические основы лингвистической теории» («Новое в лингвистике», IV, М., 1965), где фонологические вопросы занимают едва ли не преобладающее место (55 стр. из 105), и части работы М. Халле «Фонологическая модель русского языка» («Новое в лингвистике», II, М., 1962).

² Напомним, что вопрос «Порождающая фонология или автономная фонология?» вынесен на пленарное заседание XI Международного конгресса лингвистов в Болонье, и, кроме того, проблемам порождающей фонологии посвящена работа специальной секции этого конгресса.

³ В частности, в самом начале оговоримся, что мы не будем рассматривать полемику Постала с концепцией стратификационной фонологии, которая занимает в книге весьма значительное место, так как это потребовало бы изложить хотя бы вкратце также и стратификационную концепцию, известную у нас еще менее, чем порождающая (см.: S. L a m b, *Prolegomena to a new theory of phonology*, «Language», 42, 2, 1966, и др. работы).

держит (см., например, стр. 204—205).

Можно заметить, что при такой интерпретации указанный компонент грамматики — скорее «фонетический»: его входом является «готовая», фонологическая запись, а выходом — фонетическая. Вопрос о том, как вырабатывается фонологическое представление морфем, подаваемое на вход, обсуждается в генеративной литературе, в определенной степени, в частности, и в монографии Постала (см. ниже), однако соответствующие процедуры как будто не являются частью фонологического компонента.

В отличие от этого, традиционная фонология прежде всего занимается именно выяснением фонологического представления единиц языка в терминах предважно установленной системы фонем. Иначе говоря, подход прямо противоположен: традиционная фонология начинается с текста и приходит к системе (и представлению единиц в терминах членов системы), порождающая же фонология начинается с системы (точнее, представления в терминах членов системы) и приходит к тексту. В этом заключается причина значительнейшей части противоречий, на чем мы еще будем останавливаться в дальнейшем.

Известно, что в традиционной фонологии для перехода от фонетической данности к фонологическому представлению центральную роль играет понятие фонетической оппозиции (в американской терминологии — «контраста»). Постал признает, что это понятие необходимо в фонологии любого толка. Он настаивает, что порождающая фонология — вопреки утверждениям ее критиков — обеспечивает отличие противопоставленных единиц от непротивопоставленных. Критика же вызывается прежде всего тем, что в порождающей фонологии фонологически различные цепочки могут получить совпадающую фонетическую интерпретацию, т. е. фонологическое различие не сопровождается различием фонетическим, оппозиция никак не манифестируется (стр. 9—10 и др.).

Анализируя этот вопрос, Постал, отрицая, вслед за Н. Хомским, понятие дополнительной дистрибуции⁴, сводит

проблему к противопоставлению «свободное варьирование/позиция». Он утверждает, что генеративная концепция обеспечивает различие свободного варьирования и оппозиции следующим образом. Два отличающихся фонетических представления находятся в отношении свободного варьирования, если правилами фонологического компонента они относятся к одному и тому же элементу фонологической записи, присутствующей на входе. Два идентичных фонетических представления находятся в отношении свободного варьирования уже в силу своей идентичности (стр. 14). Причем оказывается, что в последнем случае свободное варьирование не имеет никаких фонологических импликаций, так как соответствующие элементы могут, тем не менее, иметь различный фонологический статус.

Представляется, что Постал, утверждая присутствие в своей концепции понятия традиционной оппозиции, на самом деле оперирует совсем не той оппозицией и не тем свободным варьированием, которые имеются в виду в традиционной фонологии.

Прежде всего, Постал «переворачивает» отношение свободного варьирования и оппозиции: в традиционной фонологии свободное варьирование — это эмпирически устанавливаемый факт, из которого (с одной оговоркой — см. ниже) следует отсутствие оппозиции (т. е. противопоставляются «оппозиция» и «отсутствие оппозиции», а свободное варьирование рассматривается как проявление отсутствия оппозиции). У Постала же отсутствие оппозиции «предсказывает» свободное варьирование (см. особенно стр. 217), в чем опять-таки сказывается противоположность подхода. В результате, когда Постал пытается доказать, что его концепция обеспечивает и оппозицию в традиционном смысле, получается порочный круг: утверждается, что оппозиции отсутствует, если сегменты находятся в отношении свободного варьирования; в отношении же свободного варьирования они находятся тогда, когда принадлежат одному «фонологическому входу» (см. выше), т. е. когда отсутствует оппозиция.

Традиционное понятие свободного варьирования в данном случае ясно предполагает, далее, что соответствующие единицы суть варианты — варианты одной фонемы. В концепции же Постала и др., как мы видели, это не так. Вероятно, здесь свободное варьирование Постала — просто синоним идентичности, причем идентичности фонетической.

Здесь мы подходим к критическому для теории вопросу. Дело в том, что в традиционной фонологии вопрос об идентичности применительно к собственно фонетическим представлениям не ставится (пожалуй, такой вопрос уместнее ожидать на дофонологической стадии фонетики). Утверждение «А идентично В», т. е.

⁴ См.: Н. Хомский, указ. соч., стр. 548—551. В рецензируемой монографии принципу дополнительной дистрибуции практически не уделяется специального внимания (ср., однако, некоторые интересные замечания на стр. 47—48, примеч. 11), поэтому мы также не будем на этом останавливаться (некоторые критические замечания по поводу отказа Хомского от этого принципа см.: J. Vachek, On some basic principles of «classical» phonology, «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 17, 1964, стр. 420 и сл., 429—430).

«А имеет то же звучание, что В», вообще говоря, лишено смысла (во всяком случае, без привлечения количественных данных — таких, как величина ошибки и т. д.). Правомерно лишь утверждение «А имеет то же звучание, что В для носителей данного языка» — но ведь это утверждение совершенно явно фонологическое, т. е. это утверждение о фонологической характеристике, о фонологическом составе А и В. Следовательно, уже самим фиксированием идентичности все дальнейшие вопросы снимаются⁵.

Разобранный выше аргумент Постал повторяет далее в несколько модифицированном виде. Никто не доказал, говорит он, что существование оппозиции должно обеспечиваться одним единственным уровнем: в синтаксисе, например, предложение типа *The troops stopped stealing* также неоднозначно, но эта неоднозначность снимается путем того, что поверхностная структура возводится к двум разным глубинным структурам. То же и в фонологии, где идентичные «системно-фонетические цепочки» возводятся к разным «системно-фонологическим» цепочкам (стр. 15—18). Иными словами (ср. стр. 42), здесь идет речь о допущении

⁵ Ср.: Л. Р. Зиндер, Основные фонологические школы, «Вопросы общего языкознания», Л., 1967, стр. 85. Постал приводит также (стр. 36—37, примеч. 2) высказывание Р. Уэллза (R. Wells, [рец. на кн.:] K. Pike, *The intonation of American English*. — *Language*, 23, 1947, стр. 270—271), где достаточно ясно излагаются близкие сформулированному выше взгляды, однако понимает их как утверждение взаимнооднозначности между фонетическим и фонологическим уровнями, возражая по этому поводу, что в таком случае все равно возникнет неоднозначность — между фонологическим и морфофонологическим уровнями. Но из сказанного выше должно следовать, что применительно к «фонетическому уровню» нельзя говорить о независимой идентичности — стало быть, и говорить о взаимнооднозначности можно лишь в смысле эквивалентности; т. е., иначе, «фонетический уровень» — это лишь реализация, «способ существования» фонологического уровня, а вовсе не уровень, находящийся в самостоятельных с этим последним отношениях. Когда Постал настаивает на существовании особого уровня «системной фонетики» (например, стр. 98 и сл.), то это можно истолковывать лишь как изучение потенциальных возможностей речевого аппарата и типологии потенциальных артикуляций (соответственно звучаний). Что же касается неоднозначности при переходе к морфофонологии, то там неоднозначность возникает на уровне морфем, что никак не затрагивает фонологических оппозиций (см. также ниже).

нейтрализации, которая, однако, снимается обращением к правилам, связывающим соответствующие уровни.

По поводу «идентичности» на фонетическом уровне (и степени его самостоятельности) мы уже говорили выше. Изложим нашу точку зрения на нейтрализацию.

Прежде всего, позиция Постала в данном случае имеет смысл только тогда, когда на самом деле подразумевается не нейтрализация, а омонимия. В чем, однако, суть — и различие — омонимии и нейтрализации? По традиционному неформальному определению, омонимы суть единицы с одинаковым звучанием и разным значением. Иначе говоря, это разные единицы с одинаковыми десигнаторами и отличающимися десигнатами, или, в формулах, где числитель дроби соответствует десигнатору, а знаменатель десигнату: $\frac{a}{b}$ и $\frac{a}{c}$. В случае же нейтрализации суть заключается именно в том, что при одном десигнаторе для десигната допускаются две возможности (не менее двух): есть одна единица типа

$\frac{a}{b/c}$, нет никаких способов, в том числе и внешних по отношению к знаку, для разграничения двух единиц. Следовательно, оппозиции здесь принципиально не может быть и нельзя говорить о ее сохранении, признавая нейтрализацию, как это фактически делает Постал.

Существенно, что и понятие омонимии, и понятие нейтрализации требуют наличия двух планов (выражения и содержания) — чего нет в ярусе фонологии. Как было показано выше, заменить эти планы уровнями также не удастся, ввиду несамоустойчивости фонетического уровня. В рассматриваемых случаях нейтрализации (как это, собственно, имплицитно уже утверждалось ранее) подвергаются морфемы, в состав десигнаторов которых входят соответствующие фонемы. В приведенной Посталом синтаксической аналогии также налицо нейтрализация, т. е. отсутствие оппозиции, и пример, следовательно, опровергает, а не подтверждает рассуждение Постала.

П. Постал выдвигает еще три аргумента против традиционной фонологии. Первый — очень важный в глазах представителей генеративной концепции — восходит к М. Халле⁶. Он заключается в том, что при допущении «промужучетного» уровня традиционной фонологии теории приходится постулировать обобщениями и описывать одинаковые факты как разные. Это иллюстрируется, в частности, русскими примерами, где озвончению перед звонкими подвергаются, например, и /t/, и /c/, что в традиционной фонологии опи-

⁶ См.: М. Халле, указ. соч., стр. 304—307.

сывается по-разному, а в порождающей — единым правилом (стр. 40 и сл.). В традиционной концепции, действительно, чередования фонем уместно относить к морфологии (под которой мы понимаем правила перехода от фонологически основного варианта морфемы ко всем остальным, также фонологическим, и наоборот, во всех релевантных контекстах, фонологических и иных), чередование же аллофонов рассматривается в собственно фонологии. Существуют некоторые более общие закономерности, которые распространяются как на фонологические, так и на аллофонические чередования (возможно, это связано с наличием в системе определенных дифференциальных признаков), однако от этого эти два вида чередований не перестают различаться. Думается, нельзя исходить из априорного допущения о том, что самое общее правило и есть самое адекватное. Это можно признать лишь при прочих равных условиях. Однако здесь нет равных условий, так как традиционная концепция исходит из кардинального лингвистического различия между фонемными и субфонемными единицами, а порождающая в данном случае это различие игнорирует, и никаких аргументов — кроме внелингвистических соображений о большей общности описания — не выдвигает.

В связи с изложенным находится и другой аргумент Посталя против традиционной фонологии — аргумент «с точки зрения фонотактики» (стр. 208—216). Наличие особого уровня, говорит Постал, предполагает наличие особых правил сочетания единиц этого уровня («тактики»). Однако, продолжает он, эти правила полностью избыточны, если описание ведется в терминах «автономных» фонем, так как правила сочетаемости последних либо дублируют правила сочетаемости морфем, либо полностью предсказуемы, исходя из этих правил; следовательно, заключает Постал, не существует и уровня «автономной» фонологии. Но Постал не учитывает, что для того, чтобы установить состав морфем в терминах морфем, нужно с н а ч а л а знать фонемы⁷. Затем, мы бы сказали, устанавливается не состав морфем в терминах морфем, а состав означющего основного варианта морфемы в терминах фонем, из которого выводятся все остальные варианты. Уже последние получают фонетическую интерпретацию.

По мнению Посталя, традиционные фонемы, находящиеся «между» морфонологической словарной и фонетической записями, не имеют смысла потому, что они столь же предсказуемы, сколь и соб-

ственно фонетические варианты (как в упоминавшемся примере с озвончением в русском языке), и традиционная фонология, считает он, не может дать никаких оснований, чтобы отличить такого рода фонемные единицы от фонетических (стр. 47 и др.). Но такое основание есть: если соответствующий элемент в сильной позиции, т. е. в позиции максимальной дифференциации, может быть противопоставлен другим элементам, то и в слабой позиции, будучи предсказуемым, он остается, тем не менее, фонологичным.

По сходным соображениям нельзя согласиться и с третьим аргументом Посталя, касающимся так называемой «нетранзитивности оппозиции» (стр. 216—228). Если оставить в стороне детали, то Постал считает, что «автономная фонология» предсказывает свободное варьирование фонетических цепочек, исходя из идентичности цепочек фонемных (в отличие от порождающей фонологии, которая может возвести свободно варьирующие элементы к разным фонологическим представлениям). Но идентичность, говорит он, логически представляет собой эквивалентность и, в частности, должна обладать свойством транзитивности. Однако, утверждает Постал, имеются факты, которые показывают отсутствие транзитивности в соотношении фонемных цепочек, и, следовательно, ошибочность исходной посылки. Факты состоят в том, что, например, в английском языке слово *unless* может произноситься с / Λ / и «шва», *intentional* — с / ι / и «шва» и т. д., но первое слово не может произноситься с / ι /, а второе — с / Λ /, т. е. / Λ / и / ι / порознь якобы эквивалентны «шва», но не эквивалентны между собой.

Мы уже говорили, что Постал «переворачивает» действительные отношения в традиционной фонологии. Но в любом случае его рассуждение построено на ошибке: если речь идет об идентичности фонемных цепочек, то цепочки не могут оставаться идентичными при замене фонемы — а замена / Λ / или / ι / на «шва» — это замена фонемы. При утрате же идентичности (т. е. эквивалентности) теряет смысл рассуждение о транзитивности. Сохраняется в примерах типа приведенных идентичность морфем (слов), но это уже нечто совсем другое (в хрестоматийных русских парах «шкап — шкаф», «калоша — галоша» слова не меняются, но фонемные цепочки — меняются).⁸

⁸ Ясно, что суть здесь кроется в существовании в языке «двойного членения», и не случайно, что в другой своей работе П. Постал отзывается об этом понятии как о «бессодержательном»: положение о двойном членении и генеративная концепция в фонологии явно не согласуются (см.: P. Postal, [рец. на кн.:] A. Martinet, *Elements of general linguistics*, «Foundations of language», II, 2, 1966, стр. 162).

⁷ Ср.: J. Vachek, указ. соч., стр. 410 и др.; F. W. Householder, Jr., *On some recent claims in phonological theory*, «Journal of linguistics», I, 1, 1965, стр. 31.

Свободное варьирование фонем — вовсе не то же, что свободное варьирование аллофонов; критерий для различения этих двух видов свободного варьирования — тот же, что уже упоминался: возможность противопоставления в сильной позиции.

Один из основных упреков, который Постал делает в адрес традиционной фонологии, состоит в том, что традиционная фонология принципиально отказывается от привлечения грамматической информации для решения фонологических вопросов⁹. На этот раз с автором следует в основном согласиться. Отечественные фонологические школы всегда настаивали на определяющей роли грамматических, в частности, морфологических, факторов для фонологического анализа, хотя и расходились в вопросе о границах их релевантности. Сделаем и мы существенную оговорку: грамматические факторы абсолютно необходимы для выяснения системы фонем; когда же система выяснена (сложилась), она приобретает ту самую (частичную) автономность, против которой возражает Постал.

Как уже говорилось выше, генеративные авторы практически не занимаются установлением системы фонем языка. Это тем более странно, что установление системы фонем, в сущности, моделирует ее усвоение при стихийном овладении языком, а генеративная концепция настаивает на сугубой важности этого аспекта¹⁰.

Постал, подобно Хомскому и Халле, занят вопросом установления непосредственно фонологического облика морфем в словаре (лексиконе). Большое значение здесь придается принципу маркированности (стр. 153—197), согласно которому каждый «сегмент» описывается набором бинарных признаков, принимающих два значения: «маркированный» и «немаркированный». Имеются правила, частично универсальные, частично специфические для каждого языка, устанавливающие, какие именно значения конкретных признаков выступают как маркированные и

немаркированные. Например, для признака «глоттализированный / неглоттализированный» немаркированным принимается значение «неглоттализированный». Это означает, что каждый сегмент реализуется как неглоттализированный — кроме тех случаев, когда для него в матрице соответствующий признак помечен как «маркированный». Иначе говоря, выбираются значения признаков, которые представляются «естественными», «нормальными», из чего следует, что качество сегмента по этому признаку определяется автоматически, если нет специального указания (т. е. указания «маркированный»).

Можно заметить, что указание на «немаркированность» — это тоже специальное указание, к тому же требующее особой конвенции. Причем это именно конвенция, так как никакого операционального определения для выбора маркированного значения признака нет¹¹. Наконец, понимание каждого конкретного описания как фрагмента описания «панлингвистического» (языка вообще) отягощает это описание избыточными для данного языка признаками (что, очевидно, лишает его адекватности по отношению к «менталистской» реальности, на необходимости которой настаивает Постал и его коллеги).

Мы не затрагиваем важных вопросов, обсуждаемых в книге — в частности, вопросов фонологической диахронии во II главе (стр. 231—307), где Постал в основном резонно упрекает традиционную фонологию в младограмматическом фонетизме, настаивая, что «звуковые изменения» — это изменения по самой сути фонологические, «менталистские»¹².

Следует еще раз подчеркнуть, что противоречия между порождающей и традиционной фонологией в значительной степени объясняются разными подходами: традиционная фонология (пусть имплицитно) ориентируется на моделирование усвоения языка и восприятия речи. Порождение речи в ней отражается хуже, и в этом смысле она неполна. Однако очень странно выглядят слова Посталя о том, что сама задача традиционной фонологии

⁹ Постал связывает отказ от грамматической информации в фонологии с антиментализмом бихевиористского толка. Антиментализм, однако, проявил себя двояким образом: как требование эксплицитного формулирования приемов лингвистического анализа (и в этом его значение полностью сохраняется), и как «физикализм», принципиально отрицающий не только всякое обращение к значению, поскольку оно «ненаблюдаемо», но и вообще выводящий значение за пределы лингвистики — в то время как значение и есть, несомненно, *raison d'être* языка.

¹⁰ См., например: Н. Хомский, указ. соч., стр. 555; Н. Хомский, Дж. Миллер, Введение в формальный анализ естественных языков, «Киббернетический сборник», Новая серия, 1, 1965, стр. 236.

¹¹ Неудивительно, что сразу же возникают разногласия по конкретным вопросам. Так, У. Чейф (W. Chafe) в рецензии на книгу П. Посталя высказывает мнение, что глухость (а не звонкость, как считает Постал) должна быть признана маркированной, так как для работы речевого аппарата нормально именно наличие голоса («Language», 46, 1, 1970, стр. 119).

¹² Впрочем о фонологическом, «мутантном» характере изменений в фонетике писал еще в 1931 г. Р. Якобсон (R. Jakobson, Prinzipien der historischen Phonologie, TCLP, 4, 1931). См. также: Л. Р. Зиндер, Общая фонетика, Л., 1960 (особенно стр. 262).

(объяснить, как звуки различают высказывания) неверна и должна быть заменена другой: объяснить, как произносятся высказывания (стр. 310), т. е. именно той задачей, которую ставит перед собой генеративная фонология. Решение этой последней задачи исчерпывающе описывало бы речевую деятельность человека единственно в том случае, если бы правила восприятия речи автоматически выводились из правил порождения речи. Думается, однако, что в полном объеме это нереально¹³.

¹³ Отвергая действительно примитивный подход к восприятию, согласно которому анализ осуществляется лишь последовательным использованием чисто фонетической информации, Постал взамен не предлагает ничего, кроме общих и

В заключение заметим, что, если не считать формализма, то основные вопросы, дебатлируемые в книге Постала и вообще в мировой фонологии последних лет, давно уже были предметом оживленного обсуждения в отечественной науке. Нетрудно видеть, что многие положения генеративной фонологии исключительно близки постулатам Московской фонологической школы. Представляется, впрочем, что в ряде отношений московские фонологи более «лингвистичны».

В. Б. Касевич

расплывчатых высказываний (см. например, стр. 37, примеч.). Не лучше обстоит дело и в других генеративных трудах (см. например, N. Chomsky, M. Halle, *The sound pattern of English*, New York, 1968, стр. 24).

J. W. R. Lindemann. *Old English preverbal ge-: its meaning*.—Charlottesville, The University Press of Virginia, 1970. 71 стр.

Проблема видо-временной системы в древних германских языках уже около двух столетий привлекает пристальное внимание научно-лингвистической мысли. И это вполне понятно, ибо указанный вопрос находится как бы на перекрестке наиболее сложных и важных проблем общего языкознания, типологии и сравнительной грамматики германских и индоевропейских языков. Недаром лучшие умы языковедческой науки (Я. Гримм, К. Бругман, Л. Блумфилд, А. Мейе, Б. Трка, В. Штрайтберг и др.) неоднократно обращались к этому вопросу, представляющему непреходящий интерес и поныне. Достаточно напомнить, что этот вопрос обсуждался на IX Международном конгрессе лингвистов в США. Проблемы вида/времени в германских языках в конце XIX в. явились предметом величайших научных заблуждений и целого ряда догматических построений. Именно здесь, как ни в одном другом вопросе, было наглядно продемонстрировано, к чему может привести произвольность и предвзятость в науке: какая-то часть фактов, рассматриваемая с определенной априори известной точки зрения, внешне выглядит вполне убедительно (ср. классическую концепцию В. Штрайтберга о видовом значении префиксированных глаголов, особенно с «семантически опустошенным» префиксом *ga-* в готском языке и об уподоблении германской «видовой системы» славянской), тогда как другая часть фактов (или даже те же самые факты!) используется для доказательства противоположных точек зрения (ср. концепцию А. Бэра о так называемом «стилистическом» значении «опустошен-

ных» глагольных префиксов в германских языках или концепцию Ф. Шерера об использовании глагольных Komposita при определенной последовательности времен в предложении или вне такой последовательности — так называемое «комбинированное» или «изолированное» употребление; с другой стороны, Ф. Шерер считает, что сама по себе морфология глагольных форм не выражает видового значения).

Литература по вопросу о видо-временной системе в германских языках с каждым годом увеличивается. Однако, как это ни странно, до сих пор профилирующей точкой зрения среди большинства языковедов продолжает оставаться давно опровергнутая и устаревшая концепция В. Штрайтберга. Интересно, что сторонники этой теории настолько фанатично отстаивают свою концепцию, что пытаются во что бы то ни стало «объяснить» все случаи, не укладывающиеся в прокрустово ложе их догмы [так, Берихардт «объясняет» перевод греч. *κοιρανει* (Mt. XXVII, 52) готским бесприставочным глаголом *ligan* (а не приставочным, как это следовало ожидать, в свете традиционной теории) аллитерацией со словом *leika*, используемом в том же стихе!]. Эта концепция приводится в качестве канонической даже в недавно изданной в Советском Союзе фундаментальной многотомной «Сравнительной грамматике германских языков» (М., 1966, т. IV).

К сожалению, обилие специальной литературы и ее постоянное пополнение никак не возмещает отсутствие объективного и всестороннего исследования, необходимость которого давно назрела. Имен-